

Реликт

Андрей Николаев,
Сергей Чекмаев

ФАНТАСТИКА

Художник Е. Станикова

1

Полосатый зверь подышал. Брюхо его было распорото от грудины до низа живота. Исходящие паром внутренности... Неподалеку стоя таких же остро-мордых и полосатых рвала на куски гигантскую птицу. Та еще пыталась отбиться, достать хищников огромным изогнутым клювом, но уже в агонии.

— По-моему, этот подойдет.

— Мелковат.

— Он и должен выглядеть игрушкой — вызывать умиление, а не инфаркт!.. Но какие повадки, а? Охрана — это та же охота, только со знаком плюс. Все должно быть на уровне инстинкта, подсознательно. Через миллионы лет ему равных не будет. В некотором смысле эволюция — это вырождение, и какой-нибудь мастино или ротвейлер для него просто боксерская груша! Заменяем...

— Эволюция не может быть вырождением по определению.

— ...Заменяем когти, зубы, поставим на крайний случай плазменный заряд.

— Да он ходить не сможет!

— Усилим скелет, мышцы, потренируется полгода, побеждает... Нет, я уверен: это то, что надо.

— Какой-то он неуклюжий.

— Неуклюжий? Да он лидер! Он же первым бросился на эту жирафу в перьях!

— Ну, как знаешь. А если не согласится?

— Выбора у него нет. Иначе свои же и сожрут, как только доедят птицу. Всё, начинаем, а то поздно будет.

Возле бьющегося в конвульсиях полосатого тела возникли два человека — внезапно, в полупрозрачном столбе света.

Несколько зверюг, опоздавших к пиршеству, направились к своему неудачливому собрату, но, тут же ткнувшись острыми мордами в невидимую преграду, остановились в недоумении.

Глаза зверя, уже подернутые предсмертной пеленой, прояснились. Он увидел свое распоротое брюхо. Потом взглянул на приближающихся к нему сородичей и попытался завывать. Но сил уже не было.

— Фу, какая вонь!

— Да, ему досталось. Кишки наружу, но это не проблема... Так, ты с его мозгом поработал? Тогда отойди в сторону, теоретик!

Человек присел на корточки, приподнял мокрую от слюны и пены морду зверя и посмотрел в его тоскливые, слезящиеся глаза:

— Ну, здравствуй, приятель, здравствуй. Вот этот теоретик считает, что ты неуклюжий неудачник, а я совсем иного мнения...

2

Сегодня меня опять ловили...

Сажу себе в песочнице, ребятню развлекаю. И вдруг слышу: едут. Эту противную машину я уже давно знаю... Ну, точно — заруливает. Давай-давай!

Я решил не прятаться — хватит. С начала весны тут живу, а эти, которые в машине, все норовят меня изловить. Один из них, мордатый с петлей, в прошлый раз все приговаривал:

— Ничего! Мы тебя, буль проклятый, еще поймем, зуб даю!

«Буль» — это он так меня зовет. Я и вправду на бультерьера похож. Морда клином, а сам побольше да помохнатей, серый в темную полоску.

Мамаши детей похватили — и подальше. Я тоже из песочницы вышел (там города всякие построены, пирамиды — зачем разрушать?). Отошел в сторонку, сел на хвост, жду. Хвост у меня толстый, удобный.

Долго они за мной по двору бегали. Сначала пытались лаской, уговорами. Потом, когда сетка запуталась окончательно, стали всякие слова выкрикивать. Бабки у подъезда уж на что привычные, и те покраснели.

— Зараза! — гневно заключил мордатый, окончательно упарившись. — Все, поехали!

И поехали, то есть уехали. Правда, Жучку приبلудную прихватили, не успел я помешать. Хорошо дети не видели, уж очень ласковая была Жучка. Она не за колбасой к ним, которые из машины, пошла — за лаской. Ее кто погладил, тот и друг. Ведь и у людей тоже так бывает.

Тут и Наташка моя из подъезда выскочила. Я сразу к ней, понятное дело. Баба Катя кричит:

— Сегодня опять Амура твоего поймать хотели.

Наташка в слезы:

— А вы б им сказали, баб Кать, что собака не бродячая. — Присела и гладит меня: — Амурчик!

— Эх, девонька, кто ж старуху слушает? У них — план, а собака без ошейника. Но я, правда, им кой-чего сказала.

— Я представляю, — смеется Наташка. — Амур, пойдешь со мной в магазин?

Конечно, пойду. Куда ты, туда и я. Один раз две остановки бежал. Ей в книжный надо было, через три квартала, вот и бежал. Кто меня в автобус пустит?

— Наташ, а ты мать уговорила бы: возьмите собачку-то. Небольшая, но смотри, какая серьезная. Как он того кобеля погнал! Боец!

Действительно, с неделю назад забежал в наш двор одичавший доберман. Кидаться на всех начал, ну я его и придал малость. Мигом все понял.

— Да все никак! — пригорюнилась Наташка. — Ты, говорит мама, поиграешься, и все, а мне за ним ходить... А он, баб Катя, меня и в школу провожает, и из школы ждет!..

У магазина я присел в сторонке, чтоб собаки не косились. Они хоть и чувствуют, что родня, но уж больно дальняя. Это точно. Там, откуда меня взяли, собак не было. И все-таки другие тамошние зверюги на мою сегодняшнюю роль еще меньше подходили. Ведь двухметрового волкодава мама Таня в дом ни за что не пустит. Ну а человека к девчонке не приставишь — заметно слишком.

Наташка вышла из магазина, сумку тащит. Я подошел, зубами за ручки хватать — давай, мол!

— Куда тебе, Амурчик, она ж большая!

А ты дай, и все!

— Ну, держи.

Я в холке и вправду невысок, не выше бульдога. Сумку за ручки взял, на спину забросил и потрусил домой; самое главное — ручки от усердия не перекусить.

К подъезду подходим, а там как раз мама Таня с работы идет. Удачно! Сейчас и проведем атаку по всем правилам.

Баба Катя тоже на нашей стороне:

— Ты смотри, Танюш, золотая зверюга! Сумки на спине носит, скоро у меня папироски стрелять начнет. Взяла бы его к себе — не место ему на улице. Ученый пес!

Я сумку поставил, а сам головой в руку мамы Тани уткнулся: посмотри, какой я!

— У-у, зверище! — И по холке меня треплет. — А кормить тебя чем, а? Вон какой толстый.

Это я-то толстый? Просто конституция такая. Да и ем все, чего ни дай. А не хватит — и что ж: крысы пока не перевелись.

— Mam, ну давай возьмем! — Наташка чуть не плачет. — Пожа-а-а-луйста! Я все делать буду: и убирать, и гулять, и мыть, и прививки.

А я все носом в руки тычусь. Кто тут устоит?

— Ладно, бери своего Амурчика, но смотри у меня!

Что тут началось! Визг, писк, чмокание. Суровая баба Катя и та разулыбалась. А мы домой пошли. Пятый этаж без лифта, хрущоба двухкомнатная, но все ж не под лавкой во дворе!

И стали меня мыть в четыре руки детским шампунем, сушить полотенцем и феном, кормить гречневой кашей и играть со мной в мяч. Кого не любили, тот не поймет. Для меня охранять эту девчонку — удовольствие! А спать я лег в прихожей. Хотели у двери положить, но тут уж я не уступил: коврик перенес, куда хотел. Отсюда у меня и дверь, и балкон под контролем.

Наутро мы поехали покупать ошейник, поводок и намордник. Наташка просила самый красивый, но на мою морду не всякий налезет. Что подошло, то и купили. А на ошейнике тут же сделали бляшку с гравировкой: «АМУР».

Через неделю случился у Наташки праздник, день рождения. Заявился народ, и меня, чтоб никого не пугал, на кухне закрыли. Я было попытался в щель проскользнуть, но мама Таня строго сказала:

— Сиди тут!

Вечером, когда все разошлись, Наташка меня выпустила и вдруг говорит:

— Mam, а Алик знает, как у нашего Амурчика порода называется!

Про Алика я уже слышал: это Наташкин одноклассник, и, судя по ее рассказам, хвостун и всезнайка.

— И как?

— Томарктус. Алик говорит: было такое реликтовое млекопитающее, предок современных киноидных!

Мама Таня рассмеялась:

— Откуда твой Алик слова-то такие знает?

— Киноидные, мам, — это собакообразные, — насупилась Наташка. — Кинос — собака по-древнегречески.

Я сидел у стола и провожал жалобным взглядом каждый кусок вкусной еды, проходящий мимо моей морды, и притом старательно изображал, что разговор не про меня. Разве я реликт? Простая дворняжка.

Вдруг мама Таня сказала:

— А он ведь действительно необычный, а, Наташ? Ты посмотри, ему ведь не хочется есть. Он как будто изображает голод.

Привет! Что делать: я привстал и заскулил. Наташка засмеялась.

— Он просто кушать хочет. На, Амурчик!

Я осторожно слизнул с ладони кусок котлеты и, жадно чавкая, проглотил.

— Хорошая собака! Реликт ты наш полосатый!

Фу-у, пронесло.

3

Наташка взялась водить меня на собачью площадку. По мне, там тесно и шумно, но с хозяйкой разве поспоришь! Пришлось изображать неумеху. Вначале все шло, как задумано: бревно узкое и скользкое, лестница слишком крутая, а в трубу я вообще не полезу — страшно. Но постепенно, к великой Наташкиной гордости, упорные тренировки пошли мне на пользу.

Пузатый дядька в джинсах с подтяжками приводил на площадку бельгийскую овчарку. Для себя он нес упаковку баночного пива, а для псины — мешочек костей из магазина «Собачий пир». Красивый пес, черный как смоль, звеня медалями, устраивал показательные выступления. И тут уж мешать не могли! Наташка обычно отводила меня в сторонку:

— Вот, смотри и учись.

Я сидел и смотрел, как элегантно Экселенц (какое скромное, со вкусом подобранное имя!) берет барьеры и бежит по бревну. Бревно я давно освоил, а если вдруг перепрыгну забор, который Наташке по макушку, то народ сильно заинтересуется скромной полосатой дворняжкой.

В другой раз я не спеша шел по бревну, как сзади вдруг требовательно гавкнули. Черный Экселенц картинно взбегал на бревно и требовал уступить ему дорогу. Ага, уступил, сейчас!

Наташка подбежала к пузатому хозяину:

— Ой, отзовите, пожалуйста, вашу собачку. Сейчас мы быстренько пройдем и не будем вам мешать.

Тот спокойно отхлебнул «Хейнекена»:

— Ты лучше своего кабыздоха убери, а то как бы чего не вышло. Экс, вперед!

— Ну что же вы делаете! — в отчаянии закричала Наташка и бросилась обратно к бревну. — Амур, ко мне!

Экс догнал меня в три прыжка. Развернувшись, я негромко зарычал. У бельгийца от неожиданности разъехались лапы, он шмякнулся грудью о бревно — только зубы клацнули — и позорно свалился на землю. Все замерли. И Наташка, и пузатый дядька, и прочие собаководы, с почтением наблюдавшие за тренировкой Экселенца.

— Ну, сейчас что-то будет, — сказала рыжая тетка, беря на поводок эрделя.

Экс бросился на меня прямо с земли, я шагнул в сторону, и он, не удержавшись на бревне, пролетел вперед несколько метров.

— Взять его, Экс! Фас!

— Ой, не надо, дяденька!..

Бельгиец уже разворачивался для атаки. Я знал, что будет дальше. Эх, потомки, у вас здесь кто больше, тот и молодец! Эволюция.

Экс летел на меня, большой, черный, взбесившийся. Тоненько вскрикнула Наташка. Было инстинктивное желание уступить дорогу и сбоку рвануть клыками шею. Я подавил это желание, но с трудом. И прыгнул с места, когда Экс был уже в паре метров. Мы сшиблись в воздухе, я ударил плечом и грудью. Под звон медалей бельгиец закувыркался по траве. Не давая опомниться, я ударил его еще раз, потом еще. Я катил его, как мяч, катил в сторону пузатого хозяина. Тот выронил пиво, мешок с костями, взмахнул цепью и бросился спасать своего чемпиона.

Тогда я оставил Экса и, припав к земле, пошел на его хозяйина. Собаки так не нападают. Видно, я здорово разозлился, если подсознание взяло верх. Цепь, свистнув, пролетела над моей головой. Я метнулся вперед и перекусил ее прямо возле пальцев пузатого. Дядька от неожиданности попятился, споткнулся и рухнул прямо на свою упаковку с пивом.

— Амур, нельзя! Фу! Ты что, Амур?!

Я поджал хвост и на полусогнутых пошел к Наташке. Больше не буду, Наташ, не ругай меня!

— Пойдем-ка домой, реликт.

Дворняжка я, никакой не реликт, ну, посмотри же!

— Пойдем, пойдем.

Она взяла меня на поводок и потащила с площадки...

И потом, уже дома, вечером:

— Мама, я сама видела! Вот такую цепь перекусил! — Наташка показала на пальцах, какой толщины была цепь.

Не слушай ее, мама Таня! Такой цепью слона удавить можно, а та была тоненькая и ржавая.

— Ты не придумываешь?

— Да нет, точно. Все так и обалдели!

Мама Таня покачала головой:

ФАНТАСТИКА

— Да-а... Может, все-таки Алик прав, а?

Они сидели на кухне. Наташка, нахмурилась, разглядывала меня, будто в первый раз увидела. Я распластался на полу, положив голову на лапы, и пытался выглядеть несчастным и обиженным.

— Ну-ка, Амур, чем ты там цепь перекусил? — Мама Таня присела рядом со мной и пальцами приподняла мне губу. — Зубы как зубы. Белые, красивые. Вполне собачьи зубы.

Правильно, ничего необычного.

— Ладно, Наташ. Зато защитник какой у тебя! Только держи его на поводке, раз он такой буйный.

4

Ночью была гроза. Не люблю грозу. Видимо, где-то в подсознании остался островок первобытного страха. То есть я ее уже не боюсь, но опасуюсь.

Все уже спали. Я побродил по комнатам, попил водички, взглянул на балкон. Дождь полупрозрачной завесой отгородил нашу квартиру от остального мира. И тут неприятный зуд возник где-то в затылке. Я насторожился. Зуд перешел в прерывистый гул, будто удары далекого колокола слились в один долгий звук.

Пришло мое время. Наташку, конечно, будить не стоит, а то она еще со мной пойдет. Мама Таня? Она спала, свесив руку из-под одеяла. Я лизнул ее пальцы. Безрезультатно. Осторожно ухватил зубами одеяло и потянул. Заворочалась!

— Наташ... Амур, ты что?

Я совсем стянул с нее одеяло и оттащил его на середину комнаты.

— Ты что, сдурел, что ли?

Я жалобно заскулил и оглянулся на дверь.

— Ну что еще? Газ не выключили?

Она прошлепала босыми ногами на кухню, проверила плитку, потом заглянула в ванную.

— Не поняла! Чего тебе надо?

Я подбежал к входной двери и опять заскулил.

— Да? А еще чего изволите? Три часа ночи, а ему приспичило! Ты видел, что на улице делается? Потерпишь!

Я заскулил еще жалобней.

— Тихо ты, Наташку разбудишь!.. Ладно. Сделаешь свои дела, придешь — дверь будет открыта. Понял? И чтобы это в последний раз!

У подъезда, под козырьком, на старом венском стуле сидела баба Катя и смолила папироску.

— Ну что, Амур, не спится? И я в грозу спать не могу. Все войну вспоминаю. Вот такая же погодка была, когда мы в срок четвертом...

Да знаю я, баб Катя, ты мне уж столько раз про то рассказывала. Однако извини, дела!

— Ну беги, погуляй.

Гроза стихала: молний уже не было, ворчал, уходя, гром, и только дождь хлестал с прежней силой. Фонари вдоль

дома едва тлели тусклыми огоньками в кронах мокрых деревьев.

Меня ждали за углом дома, там, где освещения не было вовсе. Я почуял его раньше, чем увидел, и был разочарован. Собака. Ротвейлер стоял, широко расставив мощные лапы. Он не был расположен к переговорам, но все-таки я решил его урезонить:

— Ты не получишь то, за чем пришел. Уходи.

— Меня выбрали, и это хороший выбор. Я знаю, ты не уйдешь с дороги. И не нужно. Ты умрешь первым. — И он слегка присел, изготовясь к нападению.

Интересно, как выглядел наш диалог со стороны? Стоят две собаки, смотрят друг на друга. Ни лаы, ни рычания. Игра в гляделки, да и только!.. Я понимал, что он говорит, но его мысли были тяжелыми и ворочались с трудом, как камни в горной речке. Видно, те, которые его выбрали, не стали кропотливо готовить посланца, то есть тренировать, натаскивать. Просто взяли наиболее подходящее для убийства существо и наделили минимальным сознанием. Это ясно. А вот чем его оснастили, сейчас увидим.

Я не чувствовал неуверенности. Там, где я готовился к этой схватке, звери были куда серьезнее.

Заскрежетал металл по асфальту: это ротвейлер, готовясь к броску, выпустил лезвия из когтей. Слишком рано: прыгать будет неудобно! И точно. Он тяжело поднял в прыжке свое тело. Вечный недостаток домашних собак — лишний вес.

Теперь я. Я прыгнул навстречу, но чуть вбок, по ходу перерачиваясь на спину и выпуская когти. Отбил ротвейлеру левую лапу. Посыпались искры (что за железо ему поставили, если крошки летят?). Повернуть голову он не успел, и я рванул снизу — стальными когтями его беззащитную глотку. Противник замер на растопыренных лапах, затем, неловко переступив, завалился на меня.

Он пытался что-то сказать, но мысли, и прежде тяжелые, теперь стали совсем непонятными. Чужое сознание оставило его. Я уловил лишь отчаяние и ужас перед неизбежным.

Я лежал в луже чужой крови, и не было сил подняться. Видит Бог, я этого не хотел. Но он пришел убить Наташку. Не по своей воле, но пришел. Я припомню этого бедолагу, если встречу с теми, кто прислал его...

Я добрел до водосточной трубы и лег в промоину, чтобы напиться и заодно смыть кровь.

— Ты молодец, приятель. Сделал все, как надо. Теперь пойдем с нами.

А, это те двое! Те, которые когда-то подарили мне новую жизнь! Но не за просто так, а чтобы отправить сюда, за миллионы лет и тысячи километров от моего мира. Чтобы защищать ребенка... Да, они и в прошлый раз появились неожиданно, но тогда я валялся с распоротым брюхом, а сейчас, вполне здоровый, должен был почувствовать их раньше. Избаловался. Привык сладко есть и мягко спать.

— А как же Наташка? Ведь вы говорили, что на одной попытке они не остановятся?

— Это уже не важно, — ответил один из них. — Ребенок должен был погибнуть еще полгода назад. Мы не дали этому случиться, но понимаешь... теперь наш мир меняется, катастрофически меняется. Мы хотели поставить эксперимент и — ошиблись. Да-да, мы тоже ошибаемся, как и современные люди, хотя и отличаемся от них, как ты от собак. Смерть одного человека этот мир не изменит. Несопоставимые величины! Социум просто не заметит потери. Но если в ближайшее время девочка не исчезнет, то последствия для будущего лично я предсказать не берусь.

— Ах, социум не заметит! А мать заметит? А старуха-седка? А те, кто ее, Наташку, любит и знает? А я? Кстати, ведь меня должны были сожрать еще в миоцене, но я жив, и мир в порядке. Так?

Второй из этих двоих присел на корточки и, склонив голову набок, принялся разглядывать меня с явным интересом:

— Ну прямо доисторическая преданность! Ты и в самом деле реликт... Пойдем с нами, приятель, пойдем, советую. У нас даже собаки живут долго, почти вечно. Оставь все, как тут есть, и...

Резко поднявшись на лапы, я так отряхнулся, что брызги воды прошлись по его лицу. Человек выпрямился. Отер лицо тыльной стороной ладони.

— Ты здорово изменился, приятель, — заговорил он сухо. — Не забыл, кто ты, зачем ты и кому обязан практически всем, что имеешь? А?.. У тебя есть выбор. Ты можешь вернуться в свое время, а можешь пойти с нами. Здесь ты уже не останешься. Или останешься лежать рядом вон с той собакой.

— А Наташка?

— Нам приказано убрать тебя отсюда. Скажу больше: мы не можем забрать тебя силой, но в твоих интересах согласиться. Теперь ребенок — не наша забота. И не твоя.

Я слегка присел на хвост, стараясь держать обоих в поле зрения:

— Я остаюсь. Кто из вас рискнет своей вечной жизнью? Ну? Ничего страшного — ведь социум не заметит!

Они переглянулись. Затем тот, кто только что говорил со мной, взял второго за ворот и притянул к себе:

— Ну что, теоретик? Что теперь?

— Откуда я знаю? И вообще, ты привлек это существо.

— Я? Правильно, ты же у нас, как всегда, в стороне! — Он с сожалением глянул на меня: — Ладно, приятель, делай, как знаешь. Тебе все равно ее не спасти.

Тот, который «теоретик», наклонился ко мне:

— Помнишь свою последнюю охоту? А-а, помнишь! Вот на ней и подохнешь!

И они растворились в струях дождя...

Баба Катя все еще курила у подъезда. Я подошел, уселся рядом. Посижу, обсохну.

— Амур, купался? Ишь как вымок! А там рычал кто-то, ох как рычал! Я подумала: не ты ли с кем сцепился?

Нет, баб Катя, я же смиренный, послушный.

— Ну, давай посидим, поговорим. Ты хоть знаешь, почему Наташка тебя назвала Амуром? Нет? Так это я подсказала. Смотри, говорю, какой зверь полосатый. Ну, прямо тигр амурский, да и только! Вот так-то.

Спасибо, баб Катя, мне нравится.

5

Два дня во дворе только и говорили об убитой собаке. Сошлись на том, что какие-то отморозки зарезали ни в чем не повинное существо. Эх, жаль когти его никто не рассмотрел внимательно. Однако баба Катя имела свое мнение, даже не мнение, а так, подозрение, но высказала его лишь мне:

— Ты ведь, Амур, гулял в ту ночь. А, чего молчишь? Ничего не видел?

Нет, баб Катя, ничего.

— Ох, не простой ты пес, ей-Богу!.. Ладно, не скажу никому, но ты уж за Наташкой пригляди, а то видишь, что делается. Сплошной разбой!

Конечно, пригляжу. Недолго осталось. Те двое говорили, что в ближайшее время Наташку должны... А если нет, то все обойдется. Я постараюсь, чтобы обошлось.

И вот, уже через несколько дней...

— Чего это, на ночь-то глядя? До завтра не подождет? — недовольно вздыхает мама Таня. — Эти ваши телефонные переговоры в десять вечера!

— Ну, мам, — оправдывается Наташка, — Ксюха говорит, завтра уже отдавать. Я быстро!

— Одна нога здесь, другая там, ясно? Тряпки эти ваши модные! Да и денег все равно нет, поняла?

Только я прилечь собрался! Эх, жизнь собачья... Ну ладно, пошли, раз надо. Наташ, да не беги ты так, я же только что каши наелся. У-у, коза длинноногая!

— Амур, сиди тут. За кошками не гоняйся, крыс не ешь. Все, я быстро!

Что ж, понял. Присел, огляделся. Уже стемнело, с запада опять шла гроза. Там всюю гремело и полыхало, скоро и нас накроет, а Наташка без зонтика.

В помойке у гаражей кто-то зашуршал. Я принялся. Знакомый зуд возник за ушами, в затылке, и удары колокола опять догоняли друг друга.

Он возник из ничего, в полутьме старого ясеня. Теперь он был похож на человека, но какая-то нелепая одежда скрывала его — ниспадающая до земли темная хламида с капюшоном. Он не стал ничего говорить, просто приподнял руки, повернул их ладонями вперед и шагнул ко мне. Загустевший вдруг воздух упруго толкнул меня в грудь, и я понял, что медлить нельзя. Сорвался с места и прыгнул, выпуская когти... И словно ударился о раскаленную стену.

Меня отбросило назад, и, кувырнувшись, я распластался на асфальте. Лапы и морда горели. Разлепив опаленные веки, я увидел (хотя перед глазами плавали радужные круги), что мои когти, оплавившись на концах, превратились в стальные шарики... Вот паразит, как же теперь я буду их втягивать?

Он сделал еще шаг, снова приподнял руки. Я подобрался и прыгнул на него.

На этот раз не было даже чувства удара. Я очнулся в собственной рвоте. Жутко унижительно — хоть вой от стыда!.. Он встал прямо надо мной. Я не смог разглядеть лица под капюшоном, но уверен — он улыбался. Не торжествующе, нет, — снисходительно. Так улыбаются нахальному мальчишке, показывая свое превосходство.

Я подтянул передние лапы, кое-как выпрямил их, приподнялся. Оперся на толстый хвост и посмотрел прямо в черный провал капюшона. Ты рано улыбаешься, сказал ему, и ты напрасно подошел так близко. Я, конечно, хочу еще пожить, но для чего-то определенного, а не разжиревшей шавкой на поводке. А ваше время кончается — считай, уже кончилось!

Я открыл пасть, будто и впрямь собрался завывать. По пищеводу поднималось что-то раскаленное, колючее, словно я проглотил солнце. Оно заполнило всю глотку, и дышать стало нечем.

В последнее мгновение он что-то понял и отшатнулся. Поздно!.. Раздирая мне пасть и плава зубы, солнце вырвалось на свободу...

А в это самое время баба Катя, шаркая тапками, стала подниматься по ступенькам подъезда, но вдруг расслышала какое-то движение в углу двора. Пригляделась. Там, еле различимый во тьме, сидел Амур, а перед ним стоял некто в темном плаще. Амур поднял морду, словно собирался завывать. Тот, который в плаще, внезапно отпрянул, нелепо взмахнув широкими рукавами. И тут же между ними возник ослепительный шар, раздулся и лопнул брызгами такого яркого света, что баба Катя зажмурилась. А следом прока-

ФАНТАСТИКА

тился гулкий раскат грома. Тугой теплый ветер бросил бабе Кате в лицо пыль и опавшие листья. Потянуло послегрозовою свежестью.

— Амур! Амурчик!

Еще издали баба Катя поняла, что там, в углу двора, уже никого нет. На потрескавшемся асфальте выделялся темный, будто закопченный круг. Что-то блеснуло под ногой. Баба Катя наклонилась и подняла с земли обрывок ошейника с бляшкой.

Тут из соседнего подъезда вылетела Наташка, огляделась:

— А где Амур, баб Кать?

— Ой, не знаю, Наташ! Как молния-то полыхнула, да еще гром вдарил, вот, я даже запинаясь до сих пор... Он, Амур, гавкнул и кинулся куда-то. Видать, испугался.

— Да что ты, баб Кать, он же никогда грозы не боялся.

— Грохнуло-то как! У меня аж сердце зашлось.

— Ой, ну что же делать? Потеряется ведь! — Наташка закусила губу, с надеждой оглядывая двор. — Амур! Амур!

— Ты беги, матери скажи, вместе и поищем.

Баба Катя поднесла к глазам обрывок ошейника и, протерев бляшку, долго на нее смотрела.

— Поискать мы, конечно, поищем, — прошептала она. — Все тебе легче будет, дочка.

6

Полосатый зверь умирал. Он лежал на боку и старался не смотреть на тушу огромной птицы, которую сейчас поедали его сородичи. Он помнил, как первым бросился на фороракоса, как получил когтем в брюхо. Зверь знал, что будет дальше, но ни о чем не жалел, был спокоен и доволен.

Послышалось негромкое рычание и повизгивание. Зверь повернул морду. Несколько таких же, как он, остромордых и полосатых, опоздав к пиршеству, подбирались теперь к нему, смертельно раненному, поблескивая в клочьях утреннего тумана маленькими черными глазками.

Ну, вот и все. Зверь приподнялся на передних лапах, оскалил зубы и пополз навстречу.

Он знал, что за миллионы лет отсюда все обошлось. Он был спокоен и доволен.

